

ГЛАВА ПЕРВАЯ ОБЛИК

«Что „они“ с тобой сделали...» — таковы были первые слова Александра Прокофьева, когда он увидел одну из своих знакомых весной 1942 года. В начале декабря 1941 года О. Ф. Берггольц еще не прочь была поиронизировать над своей «типично ленинградской внешностью», но спустя несколько недель неулыбчивость, угрюмость, немота блокадных лиц отмечались повсеместно. «Вмятины» войны обнаружались на облике людей еще до наступления голода. «У большинства измятые лица, какой-то зеленовато-серый цвет кожи», — записывала в дневнике 5 октября 1941 года М. С. Коноплева, объясняя это усталостью людей от многочисленных дежурств в пожарных и спасательных командах¹.

Через несколько недель «цветовая» гамма лиц обозначилась четко. Она менялась быстро: «Лица сначала бледнели, потом становились желтыми. Затем окраска кожи принимала сиренево-землистый оттенок»². Первое, что бросалось в глаза, — это мертвенная бледность, «серобетонность» и желтизна лиц. О женщине с «налитым желтой водой лицом» И. Д. Зеленская сообщала в дневнике 18 декабря 1941 года; есть и другие свидетельства³. Нередко отмечался землистый цвет лица. «Это была болезненная пигментация, вызванная голоданием, но к ней примешивалась несмыываемая маска черной копоты от керосиновых и масляных фитилей», — рассказывал военврач А. Коровин⁴. «Закопченные» лица — клеймо блокадного Ленинграда. Их по привычке называли еще и грязными, но отмыть их не только от копоты светильников, но главным образом от копоты буржук удавалось далеко не всем. Н. П. Осипова, наверное, не без признательности занесла в дневник 1 февраля 1942 года реплику проходивших мимо матросов о том, что «первую встретили с чистым лицом», но такими могли оставаться в «смертное время» лишь немногие.

1 *Рончевская Л.* Воспоминания о блокаде Ленинграда // ОР РНБ. Ф. 1249. Д. 14. Л. 5 об.; О. Берггольц — Г. Макагоненко: 7 декабря 1941 года // *Вспоминая Ольгу Берггольц. Л., 1979. С. 130.*

2 *Грачев Ф. Ф.* Записки военного врача. С. 71.

3 *Зеленская И. Д.* Дневник. С. 59; *Левина Э. Г.* Письма к другу. С. 204; *Болдырев А. Н.* Осадная записка. С. 193.

4 *Коровин А.* Записки военного хирурга. С. 409.

Р. И. Бушель рассказывала, как по дороге на Смоленское кладбище они занялись с директором фабрики несколько странным делом — «решили следить, сколько... увидим женщин с покрашенными губами». Вывод был неутешительным: «Встретили только одну. Она была худая, страшная, но вымытая и с подмазанными губами». Неумытость лиц стала особенно часто наблюдаться с конца декабря 1941 года, когда кончились дрова, а грянувшие лютые морозы сделали буржуйки самым популярным средством отопления. Воду берегли, довести и согреть ее было трудно, в комнатах стало холодно, а многие обессилели и утратили силу воли в такой степени, что перестали следить за собой. «Неотмываемые, закопченные лица» сестер и нянь наблюдал А. Коровин и в госпитале¹.

Повсеместно отмечались худоба и отечность лиц. Говоря о них, как правило, добавляли всегда слово «страшный». «Все исхудали страшно», — сообщала в дневнике 14 октября 1941 года Л. В. Шапорина, а ведь это было еще преддверие голода. В начале декабря 1941 года «осунутость» стала общей приметой ленинградцев. Некогда полные здоровые лица из-за голода «обвисали». Необратимо нарушались их пропорции — иногда часть лица «текла» вниз, его очерчивали глубокие складки и морщины. «Складки от носа, вокруг рта к подбородку... на щеках обвисшая складками кожа» — таким был автопортрет, нарисованный Л. В. Шапориной². Лица приобретали старческий вид. Убогость носимой горожанами «старческой» одежды также приводила порой к тому, что тридцатилетней женщине уступали место в трамвае и даже к девочке-подростку обращались со словом «бабушка».

На многих лицах резко проступали скулы, они становились «костлявыми», губы, обнажая зубы, придавали им «страшный оскал». Некоторые лица выглядели как черепа, обтянутые грязной кожей. Отмечали и их «носатость», особенно у женщин: «костяные лица, провалы щек — необычайно выдававшиеся, увеличенные носы»³. У носов, казалось, провалилась переносица — это видно по рисункам того времени.

- 1 Стенограмма сообщения Бушель Р. И. // НИА СПб ИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 21; Осипова Н. П. Дневник. Л. 22; Коровин А. Записки военного хирурга. С. 427.
- 2 Шапорина Л. В. Дневник. С. 275, 322.
- 3 Бианки В. В. Лихолетье. С. 165.

Глаза с покрасневшими веками поражали своим «глубоким западанием», широкой открытостью. «Огромные глаза, как двери», — скажет воспитательница детского дома Е. Г. Бронникова о взятых под опеку двух малолетних голодных сиротах¹. Под глазами имелись белесоватые мешки, их оттеняли синева и кровоподтеки. Вследствие гормональных нарушений у многих женщин стали расти усы и борода. В. В. Бианки увидел весной 1942 года «поражающее количество женщин, даже девиц с усами», он же отметил и исчезновение волосатости у мужчин.

Наиболее распространенным последствием голода являлось опухание. Первые его признаки стали наблюдаться с начала ноября 1941 года. «Заметно опух», — скажет М. В. Машкова о своем друге в письме 5 ноября 1941 года. Разговоры об опухании часто стали слышать в городе в середине ноября. «Я пока еще хожу, но чувствую, что если ничем не подкрепиться, то тоже опухну», — записывает в дневнике 15 ноября 1941 года А. Ф. Евдокимов; 30 ноября он обнаружил у себя опухание ног. А. Н. Болдырев в дневниковой записи 16 ноября 1941 года описывал внешний вид своей знакомой, которая, даже получая карточку I категории, «почему-то до неузнаваемости опухла»².

К началу декабря у блокадников начали опухать не только ноги, но и лица. Некоторые лица опухли так, что глаза были еле видны. 20 декабря В. Ф. Чекризов отметил в дневнике: «Распухшие люди... не редкость, а заурядное явление», а в записи 1 января 1942 года признал, что большинство голодающих именно пухнут, а не худеют. Опухали обычно лица и ноги, но нередко и руки, а иногда даже половые органы у мужчин. Ноги становились «слоновыми» — их с трудом поднимали и двигались «по вершку». Следствием опухания являлась невероятная слабость³.

Причиной опухания блокадники обычно считали неумеренное потребление воды с солью, горячего кипятка. Любая жидкость —

1 Стенограмма сообщения Бронниковой Е. Г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 350. Л. 19.

2 Публичная библиотека в годы войны... С. 115; *Евдокимов А. Ф.* Дневник. Л. 72, 74; *Болдырев А. Н.* Осадная запись. С. 205.

3 *Чекризов В. Ф.* Дневник блокадного времени. С. 36, 39; *Разина М.* Из записок дневника политорганизатора дома // Подвиг Ленинграда. С. 137; *Зимин И. В.* Из дневника блокадницы // Битва за Ленинград: Проблемы современных исследований. С. 253; *Скаландис А.* Братья Стругацкие. С. 34; *Шапорина Л. В.* Дневник. С. 318.

а к ней относятся и многообразные «пустые» супы (соевый, дрожжевой) — помогала немного утолить чувство голода. Эти супы выдавали часто без зачета продовольственных талонов, их можно было брать в столовых не один раз. Знали немало случаев, когда истощенные посетители заводских, ведомственных, учрежденческих и «привилегированных» столовых выпивали по 4–5 тарелок супа и к тому же брали их еще и на дом. Все сухие продукты (хлеб, крупа), как правило, размачивались в воде — считалось, что так получается сытнее. Тарелка супа с размоченным хлебом представлялась куда более огромной, чем крохотный 200-граммовый брикет. Остановиться было трудно. Голод выворачивал людей наизнанку, никакими уговорами предостеречь их не удавалось.

Голод ощутимо сказывался и на телах блокадников. «Не узнали себя», «один скелет», «кожа да кости» — плача, рассказывали люди, впервые за несколько месяцев увидевшие себя обнаженными в бане. «Ягодиц нет, есть только тазобедренные кости. Мяса нет, животы сморщились» — так выглядели женщины после многодневной голодовки. Этих свидетельств много — сошлемся и на записи О. Ф. Берггольц: «Темные, обтянутые кожей тела женщин... Груды у них исчезли, животы ввалились... У некоторых же животы были безобразно вспучены». З. С. Травкина обратила внимание на то, что все женщины в бане ходили «с хвостами». Имелись в виду копчики — на скелетах, обтянутых кожей, они выступали особенно резко¹.

Организм, лишенный подпитки, «съедал» внутренние органы, ткани, чаще всего сердце, печень, селезенку. «Голодая, человек занимается самопоеданием. Прежде всего исчезают, поглощаются жиры. Потом наступает очередь других тканей, уходят мышцы», — рассказывал А. И. Пантелеев, заметив, что голод съел у него бородавку. «Мышцы, как тряпки» — наблюдалось и такое в блокадном Ленинграде. Делавшая впрыскивание в больнице Л. В. Шапорина была поражена худобой рук как мужчин, так и женщин: «Одни мышцы и всячая дряблая кожа». У детей

1 Шапорина Л. В. Дневник. С. 318; Берггольц О. Ф. Встреча. М., 2000. С. 239; Боровикова А. Н. Дневник // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 15. Л. 89; Воспоминания Травкиной Зои Сергеевны о блокадном Ленинграде // НИА СПб ИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 149; Жилинский И. И. Блокадный дневник // Вопросы истории. № 5–6. С. 16.

снижался вес, уменьшался рост, обнаруживался рахит¹. Иногда у них нарушались и пропорции тела — голова выглядела чрезмерно большой по отношению к туловищу. Истощенные дети со сморщенной кожей напоминали маленьких старичков.

В начале 1942 года отчетливо проявились признаки и другой болезни — цинги. Особенно много людей страдало от нее в марте 1942 года. Один из первых симптомов цинги — распухание и кровоточивость десен, выпадение зубов. На теле появлялись багровые и фиолетовые пятна. Они «ползли» по коже, увеличиваясь в размерах. Ноги «остекленевали», плохо сгибались, возникали боли в костях пяток и в суставах, ходить было трудно. Кислая пища казалась горькой, сладкая — кислой. Лицо, тело, губы покрывались «болячками», язвами, фурункулами. «У меня были фурункулы на руках, на попе. В 1942-м всё было покрыто фурункулами», — рассказывала одна из блокадниц. Появлялись гнойные, цинготные нарывы на теле².

От цинги пытались спастись весной 1942 года настоем из хвои. Его выдавали бесплатно и даже в принудительном порядке в столовых и лечебницах. Вкус его отталкивал («довольно противный», как скажет один из блокадников), и не все были убеждены в его полезности: быстрого эффекта он не давал. «Свежие пятышки» цинги обнаруживали у себя и те, кто не раз использовал витаминный напиток. После употребления настоя иногда расстраивался желудок, а у тех, кто был уверен в его чудодейственных свойствах и пил без меры, опухали лицо, руки и ноги³. Самым лучшим средством считался лук, но многим он был недоступен.

Опухание, дистрофия, цинга делали некоторые лица неузнаваемыми. Об этом не раз говорили ленинградцы. Публикуемый здесь фрагмент дневника директора детского дома Н. Г. Горбуновой,

- 1 *Пантелеев А. И.* Приоткрытая дверь. С. 382; *Болдырев А. Н.* Осадная запись. С. 248; *Иринархова Е. И.* Воспоминания. С. 132.
- 2 *Бочавер М. А.* Это — было // ОР РНБ. Ф. 1273. Д. 7. Л. 51–52, *Аскиязий А. Д.* О детях в блокированном Ленинграде // Там же. Ф. 1273. Л. 13; Интервью с *Е. И. Образцовой*. С. 247; *Коган Л. Р.* Дневник // ОР РНБ. Ф. 1035. Д. 1. Л. 1; *Солдатенков С. В.* В историческую комиссию Совета ветеранов ЛГУ // «Мы знаем, что значит война...». С. 283; *Соловьева О. П.* Воспоминания о пережитой блокаде... Л. 5; *Ахматова А. А.* Листки из дневника: Лозинский // *Ахматова А. А.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М., 2001. С. 62.
- 3 *Пантелеев А. И.* Приоткрытая дверь. С. 382; *Болдырев А. Н.* Осадная запись. С. 248; *Иринархова Е. И.* Воспоминания. С. 132.

как в капле воды, отразил нескончаемую боль людей, оказавшихся в блокадном аду: «Один боец приехал с фронта и зашел, чтобы навестить своего ребенка, в д/дом. Ребенок его лежал в изоляторе с дистрофией III степени и цингой. Ребенок был настолько исхудавший, что трудно передать. Его к нам принесли на носилках. Я пошла с отцом в изолятор и показываю отцу его ребенка. Отец не узнает ребенка и говорит: „Нет, это не мой ребенок“. Ребенок же узнал отца и говорит: „Папа!“ Отец наклоняется к нему и говорит: „Неужели ты, Валя?! Какая ты стала?! Нет, нет, это не моя дочь“. Ребенок заплакал и говорит: „Папа, нет, это я!“ (Девочке было семь лет.) Я стою рядом и чувствую прямо, что сердце перестает биться. Ребенок начал рассказывать отцу, что мама пропала... „тетя чужая взяла меня к себе, мы почти ничего не ели, голодали, меня принесли в д/дом“. Отец все же не мог удостовериться, был очень бледный, весь дрожал. Наконец, вынул из бокового кармана фотографию и показывает Вале и спрашивает: „Кто это?“ Девочка сразу ответила: „Это мама, дядя Миша, это ты, папа!“ Отец удостоверился, но я смотрю, что ему не по себе, что он чуть-чуть сдерживает себя. Он посидел с ребенком, пришел в себя и молчал... Молчание продолжалось минут 5. Потом он встал, крепко ее поцеловал, и мы с ним вышли. Придя ко мне в кабинет, силы его оставили, он заплакал. Я ничего ему не говорила...»¹

В «смертное время» изменялись походка и движения людей. Людей «качали», ноги путались, волочились, «не держали». Пали от незначительного толчка. «У людей была особая походка, — вспоминал директор ГИПХ П. П. Трофимов. — Народ стал ходить тише и тише — так ходили старики, взрослые и дети. Никто не торопился. Редко кто кого обгонял». Горожане, казалось, не шли, а «ползли», движения являлись замедленными и осторожными. Некоторые, в том числе и дети, чтобы не упасть, ходили с палочками или костылями. «Нужно выходить из дома с таким расчетом, чтобы посидеть — раза четыре... иначе не дойти», — рассказывал врач В. Гаршин².

1 Горбунова Н. Г. Дневник. Л. 7 — 7 об.

2 Стенограмма сообщения Трофимова П. П. // НИА СПБ ИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 126. Л. 20, Гаршин В. В дни блокады // Звезда. 1945. № 7. С. 117–118; Краков М. М. Дневник. Л. 14; Коноплева М. С. В блокированном Ленинграде. Д. 2. Л. 76; Гельфер Г. А. Дневник. Л. 4.

Уставшие, обессиленные, опустошенные, даже утратившие волю к жизни люди переставали следить за собой, за своей внешностью и гигиеной. Исчезновение цивилизованного быта, закрытие бань, прачечных и парикмахерских являлись одними из главных, но не единственными причинами этого. Иначе и не могло быть в то время, когда нередко перестали оглядываться друг на друга, опасаясь встретить предосудительный взгляд, поскольку многие вели себя так же. Даже имея хорошую одежду, иногда облачались в самую плохую, в «тряпье» — не копит же буржуями яркие, эффектные одеяния, не облачаться же шатающейся, падающей от истощения женщине с обезображенным нарывами и фурункулами лицом в красивое пальто — кого оно теперь делает привлекательным? Так становилось привычкой пренебрежение к цивилизованным обычаям, даже если их, хотя бы отчасти, еще можно было соблюдать. «Поражает, как все-таки народ опускается... При встрече я... наблюдал, как некоторые неделями не умываются, с грязными лицами, носами, ушами, в грязных рубашках, воротничках, многие не бриты», — возмущался в феврале 1942 года заведующий райпромкомбинатом А. П. Никулин, тут же, однако, оговорившись, что «большинство все же бодрые и подвижные, опрятные и уверенные в своих силах». Этим оптимизмом, заметим, пропитан весь его дневник¹. Можно было бы возразить ему, что стирать нечем и негде, что теплой воды мало, что лица покрывались копотью буржеек каждый день, — и услышать в ответ истории о тех, кто чистил и стирал одежду и в холодной воде, кто отскабливал от черноты лицо как мог, кто брился каждый день.

Небритость примечалась особо — считалось, что с этого и начинается «сдача» человека. Возник даже термин «моральная дистрофия». Помимо прочего, он служил и средством порицания тех, кто занимался, по словам Э. Г. Левиной, «спекуляцией на обстановке» и использовал дистрофию как «ширму для оправдания грязи и лени». Совсем уж «опустившихся» людей стыдили, не щадя их чувств, — этим, правда, чаще занимались руководители разных рангов, а не сослуживцы. Но на упреки мало кто обращал внимание, «размораживание» блокадного человека происходило постепенно и естественно, по мере того как стирался «смертный»

1 *Никулин А. П. Дневник. Д. 24. Л. 4.*